

переводных произведениях для передачи греческого оборота *genetivus absolutus*. К. Йордаль полагает, что «славянский *dativus absolutus*, как бы ни хотели объяснить его значение, был активизирован греческим *genetivus absolutus*» [1, с. 154]. В краткой редакции трактата Хировоска *genetivus absolutus* встречается три раза. В цсл. переводе трактата в двух случаях *genetivus absolutus* передается через дательный самостоятельный, в одном случае – с помощью причастной конструкции в именительном падеже. Сравните примеры перевода *genetivus absolutus* дательным самостоятельным и причастной конструкцией в именительном падеже: *ὡς ὅταν δύο ἢ τριῶν ἑτεροπατέρων ὄντων καὶ τὸ αὐτὸ ὄνομα μετεχόντων* – *кгда дѣвѣма или трѣмъ расноу оцѣ сщѣема и тожде имя имоущема. ὡς ὅταν δύο ἢ καὶ πλείονες ἤμῃν ἐυνωσμένων ἀνθρώπων καὶ τὸ αὐτὸ κύριον ὄνομα ἐχόντων* – *кгда дѣва или мнози намъ навѣдоми члци и истовок имя имоуште.*

Таким образом, в переводном памятнике, каким является статья «Образъѣр», при наличии нескольких возможных славянских соответствий переводчиком выбиралось то, которое структурно ближе к греческому образцу: об этом свидетельствуют и выбор предложно-падежных форм (таких, как форма *къ* + дательный падеж для выражения объекта-адресата), и передача субстантивных выражений и синтаксических оборотов, и порядок слов в предложении.

1. Йордаль К. Греко-русские синтаксические связи // *Scando-Slavica*, 1973. Т. XIX.

2. Попова З. Д. К вопросу о греческом влиянии на падежную и предложно-падежную систему старославянского и древнерусского языков // *Вопросы языкознания*. 1976. № 2.

3. Ходова К. И. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.

Н. В. Соловьева (Минск)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В ТЕКСТАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.

При анализе картины мира определенной эпохи концепт рассматривается как «застывшая» ментальная единица с устойчивым набором признаков, имеющих языковое выражение. Важнейшие концептуальные признаки «прочитываются» в сочетаемости слов, объективирующих концепт, в их словообразовательных особенностях, а также в грамматической отнесенности этих слов к той или иной частеречной категории. При этом различное соотношение слов разных частей речи в составе лексического поля (группы слов, имеющих общий корень) говорит о преимуществе определенного способа концептуализации предмета или явления и, соответ-

венно, о его существовании в сознании человека как действия, состояни- признака или субстанции.

Говоря о концептуализации войны в русской картине мира средневековья, следует обратить внимание на то, что в текстах делово- письменности XVII века «военные глаголы» (*воевати, воеваться*) употребляются реже, чем существительное *война*. (Ср.: в В-К 1 отмечено случая глагольного употребления и 79 – именного). Если принять во внимание происхождение слова *война* (краткое прилагательное ж. р. от **voj* → **voj-ьтъ, -и -о*), становится очевидным, что на первый план выдвигается «признаковый аспект явления». При этом значение признака следует понимать широко. С одной стороны, для архаического сознания качества или свойства немислимо вне его носителя: в представлении древних война – это не только то, что характеризует военных людей, но и сами военные люди. С другой стороны, война, понимаемая как признак, – это всегда признак, проявляющийся во взаимодействии или, точнее, противодействии. Таким образом, слово *война* в наибольшей степени сохраняет цельность смысла, объективированного **voj*. Анализ языкового материала показывает, что это свойство сохраняется и в XVII веке.

Наиболее показательным в этом отношении является глагольное именное сочетание *вести войну*, которое авторы исторических словарей рассматривают как синоним глагола *воевати* (*воеватца*) [1, с. 160]. Действительно, в большинстве случаев *воевати* (*воеватца*) и *вести войну* оказываются синонимичными и могут быть взаимозаменяемы в контексте: 1) *а французской корол воеуетъ (ведет войну) ещо противъ цысаря противъ шпанского короля по старому* (В-К 2, 194); 2) *господинъ Георгъ Тартрет... с королевской стороны противъ агличанъ войну ведетъ (ведетъ)* (В-К 5, 43); Однако не всегда замена *вести войну* – *воевати* (*воеватца*) оказывается возможной: *а испанские земли пишут что цесаревъ посланъ Ганнибалъ Консага дали ему два миллионъ войну вестъ (воевати?) в Немецкую землю* (В-К 1, 209). Очевидно, что, в отличие от приведенных выше примеров, здесь глагол *вести* имеет свое прямое значение ‘направленного перемещения в пространстве’, а существительное *война* актуализирует «субъектную» часть древнего смысла – значение ‘войско, вооруженные люди’. (Ср.: *из землицы Оберъэнзе поставленныхъ ратныхъ людей в Вьдну вестъ* (В-К 2, 154)). Сказанное справедливо и в отношении контекстов, где сочетание *вести войну* имеет пространственные определители (напр.: *а веницъские владѣтели промежъ тово ведутъ войну восточную горнымъ и воденымъ путемъ* (В-К 3, 132); *имъ волно моремъ и землемъ война вестъ* (В-К 4, 70)), поскольку в XVII веке «пространственное» значение творительного падежа могло быть реализовано только в том слу-

если действие, обозначенное глаголом, понималось как линейное движение [2, с. 239–240].

Древнейшее целостное представление о воюющих людях и свойством им признаке-действию «прочитывается» и в случае употребления слова *война* с глаголами движения или активного действия: *Роготцкии много людей нанялъ и на цесаря ж войною идет* (В-К 1, 194); *а начальные Года Статьи I аланские земли хотѣли было сего году войною своею толко землю свою оберегатъ а в поле идти не хотели на недругов своих* (В-К 1, 189); *а толко Раготцкому в нужномъ времени ... (обрыв 1–2 буквы) землю цесаревы люди войною возмут* (В-К 2, 120); *здѣсь замысли и затѣки до дому Аустръйского велми не полюбили и на томъ положено толко буде цесаря посланки в Ыспанские недерлянские земли поидут и их тотчсъ войною встрѣтитъ* (В-К 5, 35); *всѣ князи Италяские земли соединились стоятъ войною противъ сего королевства* (В-К 4, 127). В таких контекстах слово *война* может получить различные интерпретации. Так, например, *идти войною*, с одной стороны, дает представление о перемещении группы людей, объединенных признаком «воинственности» (ср. в современном русском языке *идти толпою / бригадой / группами* – по терминологии А. А. Шахматова, это «творительный количественный совокупности» [2, с. 257]). С другой стороны, *идти войною* – значит идти с целью совершения или совершая военные действия. *Взяти войною* – присвоить при помощи военных людей и, в то же время, с помощью некоторых военных действий.

Важно заметить, что формирование целостного представления о признаке и его носителе, которое «прочитывается» в ряде сочетаний (*вести войну, идти войною, взяти войною* и под.) восходит к более ранней, мифологической стадии развития мышления, где понятие – «сущность» и образ – «явление» существуют в неразрывном единстве. В период позднего средневековья когнитивная связь «война = войско» постепенно разрушается. На языковом уровне это проявляется в том, что вышеперечисленные сочетания становятся устойчивыми в составе и структуре, т. е. приобретают признаки несвободных.

2. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1994.

2. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису. М., 1956.

В-К 1 – Вести-куранты 1600 – 1660 гг. – М., 1975.

В-К 2 – Вести-куранты 1642 – 1644 гг. – М., 1976.

В-К 3 – Вести-куранты 1645 – 1646, 1648 гг. – М., 1980.

В-К 4 – Вести-куранты 1648 – 1650 гг. М., 1983.

В-К 5 – Вести-куранты 1651 – 1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996.